

С. Н. Сергеев-Ценский

Зауряд-полк

(Преображение России - 8)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

С. Н. Сергеев-Ценский

Зауряд-полк: (Преображение России - 8) / С. Н. Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 188 с.

ISBN 978-5-4241-1757-2

Историко-революционная эпопея «Преображение России» — главный творческий труд Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958), монументальное произведение, которое было задумано художником еще в начале его литературной деятельности.

"Преображение России" включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-4241-1757-2

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Зауряд-полк (Преображение
России - 8)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Зауряд-полк

Роман

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Содержание

Глава первая. - Миллионы

Глава вторая. - Охотник за черепами

Глава третья. - Идиотский устав

Глава четвертая. - Зауряд-люди

Глава пятая. - Конец дружины

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИЛЛИОНЫ

I

Только что кончился первый месяц мировой войны, когда в канцелярии одной из ополченских дружин, расположенных в Севастополе, с утра сошлись: заведующий хозяйством подполковник Мазанка, командир роты, поручик Кароли, адвокат из Мариуполя, грек, и недавно прибывший в дружину, назначенный начальником команды разведчиков, прапорщик Ливенцев, призывом в ополчение оторванный от работы над диссертацией по теории функций.

В приказе по дружине было сказано, что они трое в этот день должны были, как члены комиссии, обрешивать месячную отчетность эскадрона, хотя и причисленного к дружине, но стоящего где-то в отделе, а где именно - этого не мог объяснить им командир дружины полковник Полетика. Впрочем, этот странный человек редко что мог объяснить, и теперь он, коротенький, бородатый, голубоглазый, близкий к шестидесяти годам, но больше рыжий, нежели седой, сидя у себя за столом в кабинете, говорил им:

- Так вот, красавцы, вы уж там смотрите, наведите порядок у этого ротмистра... вот черт, - совсем забыл, как его фамилия!.. Лукоянов, а? Или Лукьянов? С усами такими он черными.

- Лихачев, кажется, - сказал Мазанка.

- Ну вот - конечно... конечно, Лихачев!.. Вы там хорошенько... Кстати вот тут у вас один красавец - математик. Он сосчитает, что надо. На Северной стороне это... эскадрон этот... Туда поедете...

- На Северной? Я что-то не видал на Северной кавалерии... - качнул серой от проседи головой долгоносый Кароли, очень загорелый, почти оливковый, приземистый и излишне полный.

- На Северной артиллерия, - сказал Мазанка, - а кавалерия наша, кажется, в Балаклаве...

- Вот, черт знает, "кажется". Заведующий хозяйством должен знать, а не то чтобы "кажется"! В Балаклаве же, конечно, а не... не на этой, как ее называют?.. На Северной! Не на Северной, нет, а, разумеется, в Балаклаве.

И даже как будто рассердился немного Полетика, а Ливенцев, еще не привыкший к нему и удивленно его наблюдавший, с наивностью кабинетного человека, имеющего дело с точными и строгими рядами формул и цифр, поднял брови,

присмотрелся внимательно к своему командиру и сказал весело:

- Вообще, господин полковник, этот таинственный эскадрон надо во что бы то ни стало разыскать и... распечь за то, чтобы он не прятался!

Высокий, с подстриженной бородкой, еще не старый, темноволосый, говоривший певучим тенором, единственный из трех, красавец Мазанка посмотрел на Ливенцева неодобрительно, но Полетика думал, видимо, о другом и даже не расслышал того, что сказал этот худощавый, но крепкий, со стремительным профилем прапорщик, он копался в это время в бумагах и бормотал:

- Шоссе... шессо... шессо... Сколько там шессо? Двенадцать верст?.. До Северной... то есть до Балаклавы... Возьмите линейку, кучер вас доведет.

- А когда вернемся - вам доложить? - спросил Мазанка.

- Доложить? Гм... Доложить-доложить, - а что тут такое докладывать? Напишите рапорт по форме, - там посмотрите, как это пишется, по какой форме... Доложить!.. Будто там вы у него обнаружите что-нибудь, у этого ротмистра... Лоскутова... Я его видел, помню... Усы такие длинные, черные... Ну, идите, черт возьми, что же вы стоите?.. Куда-то девал пенсне, а без пенсне я как... как баба без юбки...

- Вот пенсне! Под бумагами, - подал ему пропавшее пенсне поручик Кароли, и все вышли из кабинета, а прапорщик Ливенцев, выходя, любопытно обернулся на этого командира тысячи человек ополченцев и шепотом спросил Кароли:

- У него что такое? Размягчение мозга?

На что Кароли, - он был тоже веселый человек, - ответил:

- Накажи меня бог, - его надо сделать начальником штаба при верховном главнокомандующем на место генерала Янушкевича!

Канцелярия была унылая, насквозь прокуренная комната, дощатой перегородкой отгороженная от остального длиннейшего каменного сарая, принадлежавшего порту. И столы и скамейки в канцелярии были кое-как сколочены из плохо оструганных досок, причем больше всего привлекла внимание Ливенцева в первый день, как он здесь появился, надпись крупными, старательными готическими буквами на деревянной перегородке: "Приказист", и под этой надписью другая, на спинке какого-то подобия стула: "Стул приказист". Это странное слово очень смешило Ливенцева.

Ополченцы за перегородкой размещались просто на полу, на соломе. Ходили они в своей одежде; винтовок им не выдавали: были только учебные, служащие для практики в разборке и сборке, и то не трехлинейки, а берданки. Впрочем, усиленно говорили в штабе крепости, что скоро придут откуда-то японские винтовки времен русско-японской войны. Ввиду строжайшего запрещения каких бы то ни было отпусков по три-четыре человека из роты пропадали ежедневно в самовольных отлучках, и Ливенцеву приходилось производить каждый день по несколько дознаний и изобретать для провинившихся ополченцев обстоятельства, смягчающие их тяжкую вину, так как уходили отцы семейств, больше чем сорокадвухлетние степенные дяди, схваченные мобилизацией на полях и не успевшие распорядиться по хозяйству. Они оборачивались за несколько дней, сами понимая, что уж раз запрещено, надо спешить, и умоляюще глядели в глаза Ливенцеву, давая свои показания.

С крутого берега над портовыми сараями видна была вся бухта с боевыми судами и внешний рейд с тральщиками и сторожевым крейсером. В первый день,

как приехал сюда Ливенцев, все боевые суда были густо обвешаны матросскими рубахами и подштанниками, так как был день мойки белья, и смешливый Ливенцев долго хохотал над таким преувеличенно мирным видом грозных судов.

Стоял золотой сентябрь. Погода была великолепная. Всюду валялись арбузные и дынные корки. И хотя прапорщика Ливенцева стесняла шашка, которая все съезжала наперед и норовила попасть между ногами, и хотя очень надоело то, что все время надо было подносить руку к козырьку, принимать или отдавать честь, все же куча свалившихся на него обязанностей, самых неожиданных и большей частью для него непостижимых, занимала его чрезвычайно; с непривычки к такой суете он к вечеру очень уставал и тупел. Главное, его, до призыва имевшего дело только с безмолвными рядами математических выкладок и с очень молчаливой старухой-матерью, вдруг бросило в людской водоворот, причем одни люди зависели от него, от других зависел он сам, а третьи, ничего не понимавшие в теории функций, вдруг почему-то оказались его товарищами.

Он не успел еще отвыкнуть от того, что считал важнейшим своим делом, и привыкнуть к мысли, что самое важное теперь, даже и в его жизни, как и в жизни всех кругом, вот эта самая, месяц назад начавшаяся война. Его еще не прищемило войной даже до боли, в то время как для миллионов кругом война была уже смерть. И хотя каждый день читал он газеты и телеграммы с театра военных действий, все-таки он представлял себе то, что там делается, только так, как это писалось в донесениях: наши войска победоносно наступали в Галиции, брали один за другим города, и десятки тысяч пленных, и огромные стога снарядов, стоявшие на австрийских полях, и как будто ничего не теряли сами, - прогулка, феерия!.. Как и всем кругом, читавший только русские газеты, ему казалось, что война для Австрии дальше уже невысказана, остается только просить прощенья, что месяца через два немецкие державы заговорят о мире, а он снимет эту чрезвычайно неудобную шашку и снова засядет за диссертацию вплотную и закончит ее в назначенный себе самому срок, если начнет работать усерднее и наверстает потерянное время.

Походка у него была с неверным постановом ног и ныряющая - всем корпусом и особенно правым плечом - вперед.

Так как теперь, когда они трое шли к ожидавшей их линейке, было еще утро и он не успел устать, то все кругом было ярким для его глаз: и блеск солнца на отшлифованных подковах и железными шинами булыжниках мостовой, и пара сытых, но секущихся серых лошадей в линейке, и зеленый овод, вившийся над лошадьми, и даже то, что фамилия кучера-ополченца оказалась Блощаница.

И когда они уже ехали, выбираясь из провала к базару, чтобы попасть оттуда на Балаклавское шоссе, молодой уже, долговязый белообрый офицер верхом на прекрасном гнедом белоногом коне попался им навстречу, и Мазанка крикнул ему:

- Корнет Зубенко! А мы к вам!

Корнет остановил коня, Блощаница придержал свою пару серых, и Ливенцев тоже узнал корнета, - они познакомились дня два тому назад на Нахимовской просто потому, что одни и те же буквы - инициалы названия дружины - и цифры были на их погонах, но Ливенцев думал, что он артиллерист. Мазанка певучим своим тенором говорил Зубенко:

- Про вас я совсем забыл! Ведь вы в эскадроне у Лихачева!

Гарцуя около линейки, Зубенко, человек очень скромного вида, даже как будто застенчивый, вообще не потерявший еще способности краснеть, толстощекий и краснотубый, пожал всем троем руки широкой в запястье рукой и спрашивал удивленно:

- К нам? Зачем к нам? Ревизовать отчетность! Вот как!

- Правда, это больше касается ротмистра Лихачева, чем вас... А конек у вас славный! - говорил Мазанка.

- Горячится... Но я все-таки приеду, - у меня тут сегодня немного дел... Фураж замучил... Вот только узнаю насчет сена, и назад... Конечно, ведь вы и обедать будете там у нас? Я к обеду поспею приехать... Всех благ!

И они разъехались, и, следя за его посадкой, Кароли сказал презрительно:

- Э-э, корнет тоже, а сидит - как собака на заборе!.. Накажи меня бог, все эти, из отставных которые, ни к чертовой матери не годятся.

А Ливенцев заговорил оживленно:

- Господа! Вот какая штука! Я было забыл совсем: наш доктор Монаков что сказал мне об этом корнете... Дело было на Нахимовской, дня два назад. Стремлюсь зайти в магазин, купить колбасы. Попадаете на улице вот этот, как оказалось, корнет Зубенко. Вижу по погонам - наш брат! Сказали друг другу по два теплых словца. "Давайте, говорю, в магазин зайдем, по фунту колбасы купим". Как шарахнет от меня мой корнет Зубенко! "Что вы, говорит, колбасы! Теперь колбаса уже стала восемь гривен фунт. То есть, я о чайной говорю, о двадцатикопеечной, а к другим сортам и приступу нет!.." И от меня тягу! Я смотрю, - тужурка на локте заплата, и так весь вид какой-то потертый хотя и не голодающий отнюдь. Думаю: может быть, семейство большое, - нуждается... А тут сзади наш доктор подходит, Монаков, говорит: "Это кто такой от меня помчался?" - и вслед корнету смотрит. "Почему, спрашиваю, от вас, а не от меня?" - "Потому что вы его не знаете, а я знаю!" - "Если даже он вас обокрал, доктор, простите ему, говорю, ради его бедности!" Доктор мой даже рот разинул. "Как так "бедности"! - кричит. - Да у него шестьдесят тысяч чистого дохода с одних только недр! Французы ему аренды за антрацит платят! А имение-то три тысячи десятин, - дает оно что-нибудь или один убыток?"

- Как три тысячи десятин? - спросил Мазанка.

- Как шестьдесят тысяч доходу? - одновременно спросил Кароли.

- Не знаю уж как! Оставляю это на совести доктора.

- Это миллионное состояние, что вы!.. - возмутился Кароли. - У такого чтобы миллионное состояние? Не может быть! Шестьдесят тысяч, считайте даже по шесть процентов, - вы математик, не будете спорить, надеюсь, что в земле у этого Зубенко миллион!

- А три тысячи десятин земли, - если черноземной, под пшеницей... И не заложена... А какой ему смысл ее закладывать, шестьдесят тысяч получая?.. Как вы эту землю считаете? По триста пятьдесят, меньше продать нельзя... Вот вам еще миллион! - подсчитал Мазанка.

- Выходит, два миллиона! Вот поди же! - удивился теперь и Ливенцев.

- Накажи меня бог, я бы такого и в письмоводители к себе не взял! А у него состояния два миллиона!

- Да ведь, может быть, все пустое, - счел нужным утихомирить Кароли Ливенцев. - Доктор наш ведь земец, поэтому радикал... И чуть что - кричит: "Это

вы прочитаете во "Враче"! Корреспондент, видите ли, журнальчика "Врач"... Наверное, он здорово преувеличил.

- А ротмистр Лихачев не из тех ли мест, где станция "Лихачево"? спросил Кароли Мазанку.

Но на этот вопрос ответил не Мазанка, а кучер - Блощаница. Он сидел на передке, устроив ноги по сторонам дышла, но при вопросе Кароли обернул рябое бородатое лицо к нему в упор и сказал с радостной ухмылкой:

- Это же, вашбродь, ихнее имение там и есть, а как же!.. И даже там у них при воротах две пушки стоят...

- Пушки даже? Вот как? Очаковских времен?.. А именье богатое?..

- Именье выдающее!.. Я эти места хорошо знаю... Я у господ Подгаецких, поблизу, служил в кучерах, и сколько разов я их к Лихачевым в гости возил!..

Выехали, наконец, на шоссе. Зажимая носы, проехали мимо свалок. Потом стали попадаться по обеим сторонам шоссе какие-то небольшие усадьбы с виноградничками, садами и даже небольшими клочками стерни по известковому овражистому плато.

- Вот где люди пшеницу сеют, - где самая крейда, або алебастр, - кивнул на эти клочки стерни Блощаница. - А что касается Лихачева-помещика, то у него с десятины если не полтораста пудов снимают, то бывало даже и так, что все двести!

И пока ехали до Балаклавы, - Ливенцев это видел, - никак не могли успокоиться ни подполковник Мазанка, ни бывший адвокат, поручик Кароли, ни даже кучер Блощаница.

В имениях и десятинах, - много ли их или мало, - ничего не понимал Ливенцев. Ему было тридцать семь лет, но он как-то так расположил свою жизнь, что ничего не пытался сделать в сторону десятин, имений, угольных копей, миллионов, даже просто сколько-нибудь прочных условий жизни. Он даже и не служил нигде в последнее время, а жил случайными уроками, и меньше всего в жизни понимал он то, что было предметом внимания многих: богатство.

Он вышел из семьи, в которой никогда не было того, что называется достатком, и в то же время никто не говорил ни о бедности, ни о богатстве. Отец его был пианист, он тоже в молодости неплохо играл и даже колебался, когда окончил гимназию, куда ему поступить - в университет или консерваторию, и, среди колебаний этих, поступил вольноопределяющимся в пехотный полк, чтобы отбыть повинность. Потом затынул он и студенческие годы, так как три раза менял факультеты. Он был холост. Мать-старуха нуждалась уже не во многом. Он, как говорится, легко относился к жизни. И в то же время, как многие кабинетные люди, любил вплотную наблюдать людей, то есть буквально вплотную, очень приближая свое лицо к каждому новому лицу, хотя близоруким он не был.

У него было большое любопытство к человеку, как совершенно неповторимому среди других человеческих особей существу. Возможно, что это было в нем просто пифагорейство, но он как-то про себя вычислял задачи человеческих лиц и составлял невнятные еще, зыбкие еще в своих основаниях, но возможные по идее формулы человеческих лиц в состоянии покоя, человеческих жестов, походок, манер говорить, глядеть, улыбаться, смеяться, сердиться, негодовать, приходить в ярость. Он был больше человекоиспытатель, чем соучастник жизни тех, с кем приходилось ему жить вместе, и теперь, на пути к Балаклаве, приближая

свое отнюдь не близорукое лицо то к лицу Мазанки, то к лицу Кароли, он был доволен, что вот расшевелил их тем, чему сам не придал никакого значения, - рассказом о корнете Зубенко, который был возмущен дорогоевизной колбасы до того, что не хотел ее покупать, и наглыми накидками военных портных до того, что стоически продолжал носить старую, заплатанную кадровую тужурку...

И широколицему рябому Блощанице он был благодарен за его вовремя вставленные пушки у лихачевских ворот и полтора-два пуда пшеницы на баснословном лихачевском черноземе.

II

Балаклавские греки, смуглые Кости и Юры, были очень недовольны войной. Все они были рыбаки и жили морем; теперь их не пускали в море ни днем, ни ночью. Теперь на берегах расположились батареи, в их домишках солдаты-артиллеристы. Им оставили бухту для мережек, но в мережки попадала несчастная рыба мелочь - барабульки и карасики, величиной в пятак, и Кости и Юры ходили похудевшие, почерневшие, мрачные. Напрасно они жаловались военному начальству и спрашивали, чем же теперь им жить. Начальство коротко отвечало: "Война!" Так было в Балаклаве только тогда, когда заняли ее англичане шестьдесят лет назад, но это помнили только очень старые люди, и от тех времен остался в полной неприкосновенности только один небольшой дом, комнатки в котором были в два аршина высотой. И уходить за рыбой по ночам, оставлять своих жен на произвол солдат тоже боялись Кости и Юры. И когда линейка въехала в Балаклаву, на все вопросы Блощаницы, где здесь квартирует эскадрон ополченцев, Кости и Юры мрачно отвечали: "Почем знаем?" - и отворачивались хмуро. И только когда Кароли весело заговорил с ними по-гречески, очень удивленные, они показали, как проехать к эскадрону. Но по-гречески же спросили они Кароли: если нельзя ловить рыбы в море, то чем же им жить? И по-русски ответил им Кароли: "Почем знаем?"

Это был дом какого-то немца, выселенного на Урал, вместительный дом с большими табачными сараями: у немца были табачные плантации. Теперь в этих сараях устроили конюшни, поблизости расквартировали людей, а сам Лихачев и Зубенко и небольшая канцелярия эскадрона разместились в доме.

В тужурке, расстегнутой на все пуговицы, в синих рейтузах старого образца, в вышитой тонкой рубашке, с сигарой во рту, ротмистр Лихачев сидел на веранде и читал "Русское слово". Приезд ревизионной комиссии очень его удивил, и он, улыбаясь приветливо, все-таки широко раскрывал выпуклые черные глаза. У него был прекрасный открытый лоб без морщин, пухлые щеки, безукоризненно выбритый круглый подбородок, и усы, так запомнившиеся полковнику Полетике, действительно были из таких, которые запоминаются: холеные, завитые обдуваемыми кольцами, черные породистые усы... В то же время Ливенцеву подумалось, что из него, по внешности, мог бы выйти хороший дирижер румынского оркестра.

Когда Мазанка объяснил ему, что вся эта ревизия - простая проформа, что она назначена командиром бригады по обоим дружинам, что он, ротмистр, отнюдь не является каким-то преступным исключением, Лихачев сделался исключительно приветлив, тут же крикнул писаря, а писарь тут же достал нужные книги и счета, и ревизия началась без проволочек и закончилась в какие-нибудь полчаса.

Комиссия нашла все в полнейшем порядке, и Лихачев, как хороший хозяин, вполне довольный неожиданными, но любезнейшими гостями, повел их по коюшням показывать лошадей своего эскадрона, так как ученье уже кончилось и люди были распушены на обед.

Посмотрели лошадей. И Мазанка и Кароли оказались любителями этого вида животных и большими его знатоками, Ливенцев же смотрел на лошадей сначала с любопытством, ему присущим, потом однообразие их форм начало его утомлять. Безусловно гораздо больше, чем все лошади эскадрона, занимал его сам ротмистр Лихачев.

Он держал себя так, как будто дело было не в какой-то там Балаклаве, а в его имении, где у ворот исторические пушки, а на воротах, может быть, даже и львы, где, конечно, старинный липовый парк и объемистые амбары, способные вместить баснословные урожаи пшеницы.

Когда дошли до последней лошади и показывать больше уж было нечего и нечего, Лихачев сделал широкий пригласительный жест и сказал:

- А теперь, господа, прошу ко мне, закусить! Познакомлю вас с моею женой...

Упоминание о жене ротмистра заставило всех склонить головы с особым почтением, почиститься щеткой, у медного рукомошника тут же на веранде вымыть руки и пригладить волосы.

Мебель в столовой, конечно, была оставлена сосланным немцем, но прекрасное столовое белье с красиво вышитыми метками на салфетках, свернутых в трубочки, серебряные кожи, вилки и ложки, несомненно, были привезены ротмистром из его Лихачевки. Ливенцев подумал даже, что и две бутылки вина были добыты не здесь и не в Севастополе, из каких-то тайников, доступных сведущим людям, а из старинного запаса лихачевского погреба, так как вино оказалось старых годов и дорогих цен.

Очень искусно, и, конечно, не эскадронным поваром, а домашним, из Лихачевки, был сделан соус для закуски под водку, стоявшую в граненом графинчике.

За стол не сажались, конечно, ожидая, когда выйдет жена Лихачева, и она вошла, наконец, с густо-коричневой, совершенно голой, лупоглазой собачкой на руках, и по сторонам ее важно вошли еще две лохматых болонки и издали, при виде незнакомых людей, какой-то однообразный, придушенный звук, непохожий на лай, непохожий даже и на урчанье: по-видимому это было приветствие, по крайней мере так понял Ливенцев, сейчас же про себя окрестивший жену Лихачева Цирцеей.

Она была высокого для женщины роста, но не из полных и не из молодых, лет сорока. Лицо ее казалось желтоватым даже под пудрой, под глазами заметные круги, глаза невнимательные, скользкие, значительно уже выцветшие; на обеих тонких руках браслеты с розетками камней, брошка-каменя, на плечах пуховый светло-синий платок... Оттого, может быть, что все время дрожала своим коричневым голым тельцем собачка на ее руках, у Ливенцева получилось впечатление, что зыбкой была сама эта Цирцея, следом за которой денщик внес осторожно за ушки большую фаянсовую миску с супом.

- Накажи меня бог, если я когда-нибудь видел таких собачек! - искренне сказал Кароли, когда представил их всех жене своей Лихачев и усадил за стол. -

Что это за порода такая?

- Это африканка, - и Цирцея укутала ее своим пуховым платком. Наступает осень, и ей, бедняжке, становится уж холодно...

- Она имеет способность лаять или совсем безмолвна? - любопытствовал Ливенцев.

- Попискивает, как цыпленок, - ответил за жену Лихачев. - Вообще же она тут испытывает большие неудобства, как и мы с женой... Надеемся, впрочем, что неудобства эти кончатся месяца через два... на худой конец - три... И мы опять домой - в имение.

- Вашими устами бы мед пить! Я уж тоже соскучился по имению, - сказал Мазанка и объяснил Лихачеву, в каком уезде находится его имение и кто там у них предводитель дворянства.

- Потревожили нас в наших родительских гнездах, а зачем? - раскатило и веско говорил Лихачев, наливая по рюмке водки. - И какие огромные затраты государства на эти "апольченские" дружины, до которых дело, разумеется, не дойдет! В декабре мы, конечно, подпишем мир!

- Это было бы гениально! - подхватил Ливенцев. - Но почему все-таки вы думаете, что в декабре мир?

Лихачеву, видимо, не понравился не самый этот вопрос, а тон вопроса, и он ответил снисходительно:

- А потому я так думаю, что война ведется в спешном порядке, что и понятно при современных э-э... вооружениях. Об австрийской армии можно сказать, что она уже почти не существует. Она совершенно де-морализована и бежит... или сдается массами... вот-вот мы обойдем Германию с левого фланга. А с юга - французы, а с запада - англичане. Не беспокойтесь! Вильгельм весьма неглуп и на карту всего ставить не станет. Платить по счетам придется Австрии, и она заплатит по-ря-дочно!

- Так что нам, вы думаете, она заплатит Галицией? - спросил Ливенцев.

- Галиция уже наша! - сказал Лихачев.

- Выпьем за Галицию, что же, а? Галиция так Галиция! - предложил веселый Кароли.

А когда выпили за Галицию, Лихачев добавил:

- Кроме Галиции, мы, может быть, и Буковину получим. Но самое важное, что мы получим, это - Константинополь и проливы!

- Послушайте, что же это вы! - удивился Ливенцев. - Откуда это вдруг Константинополь? И почему проливы?

- Как почему проливы? Вот это мне нравится! - удивился и Лихачев. Из-за чего же мы с вами призваны, как это называется, кровь проливать? Конечно же из-за проливов! Что нам за корысть в Галиции? Галиция что нам такое даст? Это - земля бедная... Мы вон на владения в Средней Азии ежегодно огромные деньги тратим, и на Галицию, может быть, придется тратить, а вот проливы заполучить - это большой будет плюс.

- Почему большой плюс? - не понял Ливенцев и присмотрелся к Лихачеву, вытянув тонкую шею, и снова нашел, что если его разоблачить из тужурки и рейтуз и нарядить соответственно, то какой бы внушительный и типичный вышел из него дирижер румынского оркестра!

Но Кароли не дал ответить Лихачеву, он сказал горячо и с обидой: